

Мария Архангельская

**Сосна зимой.
Книга 4**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А87

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Архангельская М.

А87 Сосна зимой. Книга 4 / Мария Архангельская. – М.: Литнет, 2026. – 308 с.

ISBN 978-5-521-99181-5

Доводствующая императрица Фэй Чэн – чужестранка и женщина на троне Северной империи. Ее власть зыбка, как весенний лед: двор шепчет о недопустимости правления «курицы, возвещающей утро», родственники покойного мужа видят в ней лишь временную помеху, а доверие гвардии куплено дорогой ценой и может лопнуть в любой миг. Она должна править от имени малолетнего сына, балансируя между коварными интригами, попытками реформ и вечным страхом за жизнь своих детей.

Каждое ее решение – шаг по тонкому канату над пропастью. Заговоры зреют в тени бамбуковых рощ, яд может таиться в праздничном вине, а долг благодарности для местной знати часто дороже жизни. Ей предстоит найти верных людей в мире, где преданность продается и покупается, изобрести новое оружие в войне традиций и прогресса и защитить свое гнездо, когда враги решат, что время пришло.

Что выберет регентша, когда лезвие заговорщиков будет уже у горла: станет милосердной жертвой или безжалостной государыней, способной на все ради трона и семьи?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99181-5

© Литнет, 2026

© Архангельская М., 2026

Обдуманность действий умного человека заключается в том, что он обязательно соединяет выгоду и вред. Поэтому князей подчиняют себе вредом, заставляют служить себе делом, заставляют устремляться куда-нибудь выгодой.

Сунь-цзы. Искусство войны.

1

Обдуманность действий умного человека заключается в том, что он обязательно соединяет выгоду и вред...

Сунь-цзы. Искусство войны.

— Сегодня верховный командующий Фан обедал с ваном Лэем. После долго беседовали наедине.

— О чем?

— Неизвестно, ваше величество.

Я кивнула, скрывая тревогу. В тот же день Фан разослал приглашения гвардейским офицерам на дружескую встречу в своем доме. Я развернула свиток. В списке — почти все гвардейские командующие. Все, кроме гвардии Нетупящихся мечей.

И верно: зачем белой кости общаться с мужичьем? В Нетупящихся мечах продвигались по заслугам, а не по крови.

Если бы я могла быть уверена, что этого достаточно. Увы, я не могла распустить все гвардии. Если они обратятся против меня, Мечи окажутся в меньшинстве. И это может случиться в любой миг. Я игрывала с войсками, одаривала их чинами и деньгами. Но назначить шефом гвардии Шэйрена? Нет. В этой патриархальной реальности

это стало бы его личным войском. А здешние принцы привыкли делить трон силой оружия. Я не хотела искушать судьбу своих внуков.

Я чувствовала себя на тонком льду. Скоро год моего регентства, а при дворе и в народе шепот не стихает. Да, нам с Кеем удался захват власти, воспользовавшись всеобщей растерянностью. Но с тех пор у придворных было время прийти в себя. Есть два более подходящих кандидата на регентство, чем я – чужестранка и женщина. Даже преданная гвардия в любой момент может предпочесть кого-то из них.

Кей давно ушел, а я сидела, глядя на картину напротив: бамбук и хризантемы. Символы стойкости и долголетия. Пожелание добродетельному правителю. Прожив здесь двенадцать лет, я научилась читать символы, но стать своей так и не смогла. И все это понимают.

Хорошо, что два кандидата – гун Вэнь и ван Лэй – соперничают между собой. Сумей они договориться, мне останется лишь удалиться в монастырь. Но Небо, кажется, было на моей стороне: после смерти Тайрена тяжело заболела и вскоре умерла старшая принцесса Каучжун, сестра гуна Вэня. Теперь он в глубоком трауре и не может приступить к обязанностям регента ближайшие два года.

Значит, если ван Лэй хочет власти, ему есть резон уложиться в эти два года. Люди Кея кружили вокруг него, но ван был осторожен. Он встречался с сановниками и офицерами – но разве мог он не встречаться? Говорил за закрытыми дверями – но мало ли о чем? Прилюдно же он высказывал недовольство мной не более других. Арестовывать за такое – остаться вовсе без двора.

Быть может, на сегодняшней встрече прозвучит что-то подозрительное. А может, господа военные будут читать стихи.

Ей-богу, я начинаю понимать тиранов, казнивших за косой взгляд. Становиться тираном не хотелось, но эта постоянная подозрительность выматывала. Насколько проще было бы отправить обоих родственников на плаху и не мучиться. Но последствия непредсказуемы.

Я оглядела стол с горой бумаг. Как я позволила затащить себя на эти галеры? Ответ знала с начала: выбора у меня не было. Кей

в ту ночь, когда принес весть о смерти Тайрена, был безжалостно прав.

– *Но ведь есть другие кандидаты... Гун Вэнь...*

– *Ваше величество, – перебил Кей, – и как вы думаете, долго ли Ючжитар проживет под его опекой? Назначьте его регентом, и скоро в стране будет новый император – и его могущественный отец.*

– *Есть еще ван Лэй.*

– *Он для вас предпочтительнее. Но что он сделает первым делом? Вернет ко двору свою сестру.*

Я замолчала. Видеть свекровь мне не хотелось.

– *Они не забыли ни ареста, ни умершего в ссылке младенца. И того, что все это случилось из-за вас.*

– *А то, что я их спасла...*

– *Этого они предпочтут не вспоминать.*

– *И, в любом случае, – добил Кей, – кто бы ни стал регентом, все реформы Тайрена пойдут прахом. Продолжить начатое им можете только вы.*

Куда тут денешься? Если меня сместят, лучшее, на что могу рассчитывать – комфортное заключение. Или тихая смерть вдали от столицы. Оседлав тигра, трудно спешиться.

Проклятье! Мне нужны свои люди. Те, кто будет обязан только мне; кто слишком много потеряет от моего падения. Способ был – поднять кого-нибудь из низов. Но назначить выскочек – значит подвинуть старую аристократию, и без того недовольную мной. Что рискованнее?

Я уселась за стол. Переживания переживаниями, а документы сами себя не прочтут.

2

– Да, начало заговора мы упустили, – холодно констатировал Кей. – Командующего гвардии Счастливой птицы поставили в известность только сейчас, на общем собрании. Значит, все решено и спланировано.

Я сжала губы. Они были уверены, что он согласится. И он согласился.

– Что ж, арестовывать.

– Можно. Но если ваше величество готовы рискнуть – я бы рекомендовал подождать.

– Мы уже знаем их план. Чего ждать?

– Мы знаем не все. Здесь речь о пропуске гонцов без императорских бирок. Зачем, если все должно произойти во дворце? Значит, у них останутся сообщники в столице. Параллельно с вашим арестом сановники соберутся и решат сменить регента. В глазах народа инициатива будет исходить не от вана Лэя или гвардии, а от всего двора.

– Их заботит мнение черни?

– Небо смотрит, как смотрит народ. Все хотят сохранить лицо. А вам докладывают в основном о плохом. Поверьте, у вас есть сторонники даже среди знати.

В его словах был резон. Гонцы нужны для координации.

– Арестуй мы их сейчас, прочие заговорщики могут обратиться к гвардии напрямую. И кто предскажет, к кому прислушаются офицеры? Если же сделать вид, будто ничего не знаем, у нас будет время накрыть всех разом.

Риск. Но Кей был прав. Это был шанс сместить именитых сановников и поставить своих людей. Повод, которого мне не хватало.

– Хорошо. Еще две недели. Хотя я предпочла бы узнавать о заговорах на стадии планирования.

– Трудно вербовать офицеров, – сухо ответил Кей.

Делать вид, что ничего не происходит, оказалось мучительно. Хотелось усилить караулы, но это могло насторожить заговорщиков. Я тайно приказала подтянуть к столице верный армейский отряд. В поездку я брала не всех Нетупящихся мечей – кому-то предстояло проводить аресты в Таюне.

Однако, если не считать моей нервозности, следующие две недели были спокойны. Сановники внезапно стали покладисты. Я видела в этом подтверждение их злокозненности.

Перед отъездом на ритуальное жертвоприношение к озеру Девяти Драконов я изучила список сопровождения: пять сотен воинов, из которых моей личной охраны – едва пятая часть. Для ареста офицеров-заговорщиков хватит, если действовать быстро. Осталось решить: ждать их хода или бить на опережение? Придется отъехать от столицы хотя бы на день пути, чтобы не спугнуть тех, кто остался в городе.

Что же вы посулили им, ван Лэй, что они так резво переметнулись от меня?

Что бы ты сделал на моем месте, Тайрен? Согласился бы на рискованную игру Кея или прошелся карающим мечом? Как же мне не хватает возможности спрятаться за твою спину. Когда ты был рядом, я по-настоящему ничего не боялась. А теперь я одна посреди продуваемой ветрами пустыни. Казалось бы, вокруг столько людей. И все равно – одна.

Рано утром мы с Ючжитаром двинулись в путь. На прощание я обменялась с Кеем понимающим взглядом. Так или иначе, через пару дней эта история разрешится.

3

*Храм предков, гляжу, – величав, величав –
Достойный правитель построил его;
Я вижу порядок великих начал –
Мудрец, заключаю, устроил его.
Стремление зрю в человеке другом –
Обдумав его, разбираю его.
А заяц – он петлями скачет, хитрец.
Собака навстречу, хватает его.*

Ши цзин (II, V,4)

– Так и сказал? – поразились я. – Ай, лис! Вот это лис!

– Да, ваше величество, – согласился Кей. – Так что можно сказать, что «дело о заговоре» закончилось полным провалом. Причём с обеих сторон. Вы отыграли разве что несколько фишек, но до конца партии ещё далеко.

– Но ведь есть же арестованные заговорщики? Верховный командующий Фан схвачен?

– Да, и вот увидите, во главе заговора окажется именно он. Эльма Чжаоцина он не выдаст, во всяком случае, в этом уверен сам Эльм. Конечно, мы его допросим, но я уже готов к неудаче. Говорят, когда-то родители Фан Ба оказались в большом долгу перед семьёй Эльм – когда император Дай-цзан только шёл к власти, они сделали ставку не на того претендента, но Эльмы помогли им получить прощение. Так что командующий Фан просто исполняет долг благодарности.

Я мрачно кивнула. Спрашивать, стоит ли долг благодарности родителям жизнью их детей и внуков – а командующий Фан пожертвовал не только собой, от общесемейной ответственности за самые тяжкие преступления новый кодекс не освобождал – смысла не имело. Родители важнее детей, предки – потомков, на том стояла и стоит вся здешняя нравственность.

Свою часть работы с арестами по пути к озеру мои люди выполнили безукоризненно – никто и пикнуть не успел, как повязали всех по списку. Но не зря говорят, что если где-то прибыло, то где-то убыло. На следующий день, как и предполагалось, придворные собрались на совещание, заранее созванное ваном Леем в зал Всеобщего управления, специально предназначенный для решения вопросов, не требующих императорского присутствия. Там, под взглядами напряженной охраны, ван завёл ожидаемую речь о тяготах, трудах и заботах, лёгших на плечи хрупкой женщины – меня. Но вместо призыва отправить императрицу-регента на заслуженный отдых прозвучало нечто прямо противоположное: меня предлагалось поощрить и наградить так, как награждают успешных правителей: памятными стелами, арками, строительством персонального храма в честь предков семьи Фэй и ещё чем-то. Должно быть, хитрый Эльм всё же дождался какого-то знака, который мы просмотрели, о том, что мой арест не удался – хотя, быть может, сигналом о провале стало как раз отсутствие такого знака. Офигевшие не меньше моего сановники послушно со всем согласились, а мне теперь только и оставалось, что выразить двору и вану лично свою благодарность.

Арестовывать было некого и не за что. Единственное, что я могла, это поменять гвардейскую верхушку, но как раз она заботила меня меньше всего: гвардия всё же пока является орудием в чужих руках, до самостоятельной политической силы вроде римских преторианцев она не доросла. Лэй также остался при своих, и если Фан Ба всё же не расколется, получит полную возможность интриговать дальше.

– Может, его отравить? – пробормотала я. – Главнокомандующий Гюэ, как вы на это смотрите?

В конце концов, убила же я советника Рая, спасая Шэйрена, пусть и чужими руками. И совесть меня за это, что характерно, не мучает.

– Эльма? Я думал об этом, – безо всякого смущения признался Кей. – Но к нему трудно подобраться. Мне так и не удалось ни вне-

дрить, ни подкупить никого в его личной службе, а на улице он без охраны не появляется.

Я снова кивнула. До сих пор я, если не считать совещаний последнего года, где новый глава Привратного надзора вёл себя как обыкновенный среднестатистический сановник, сталкивалась с дядюшкой Тайрена лицом к лицу только один раз – когда он пытался меня допрашивать по делу о привороте наследного принца. Явившийся гун Вэнь раскатал его в тонкий блин, и у меня остались впечатления об Эльме как о человеке, звёзд с неба не хватающем. Что потом усугубилось общением с его сестрой, тоже женщиной не самого великого ума. Однако не нужно обладать выдающимся умом, чтобы иметь выдающуюся хитрость. Бывшая императрица в искусстве интриги вполне преуспела и много лет ухитрялась выходить сухой из воды. Почему бы и братцу не быть таким же?

– Что ж, ваше величество, первый раз сырой, второй – созревший, – подытожил Кей. – Волей Неба мы ещё сможем поймать его за руку.

– И хорошо бы гуна Вэня вместе с ним, – поддакнула я. Вот ей-богу, кончится тем, что я не удержусь и организую всё-таки им обоим по несчастному случаю. Преступление, скажете вы? Но, как гласит поговорка, легко быть святым, сидя на священной горе. Попробуй остаться святым, сидя на базаре.

Гюэ Кей оказался совершенно прав – командующий Фан на допросах подтвердил, что заговор был, но был его собственной инициативой, а ван Лэй никаких приказов ему не отдавал. Быть может, и не врал даже, в конце концов, Фан Ба было достаточно понять намёк. Но на все вопросы, а в курсе ли был имперский дядя, командующий твердил, что не был. Твердил даже под пыткой, так что я невольно вместе с досадой почувствовала восхищение такой силой духа. Все прочие заговорщики и вовсе лично с Лэем не общались, всех уговаривал и организовывал Фан Ба. Вот так и выходило, что хотя заговор был в пользу Эльма, сам Эльм тут вроде как и ни при